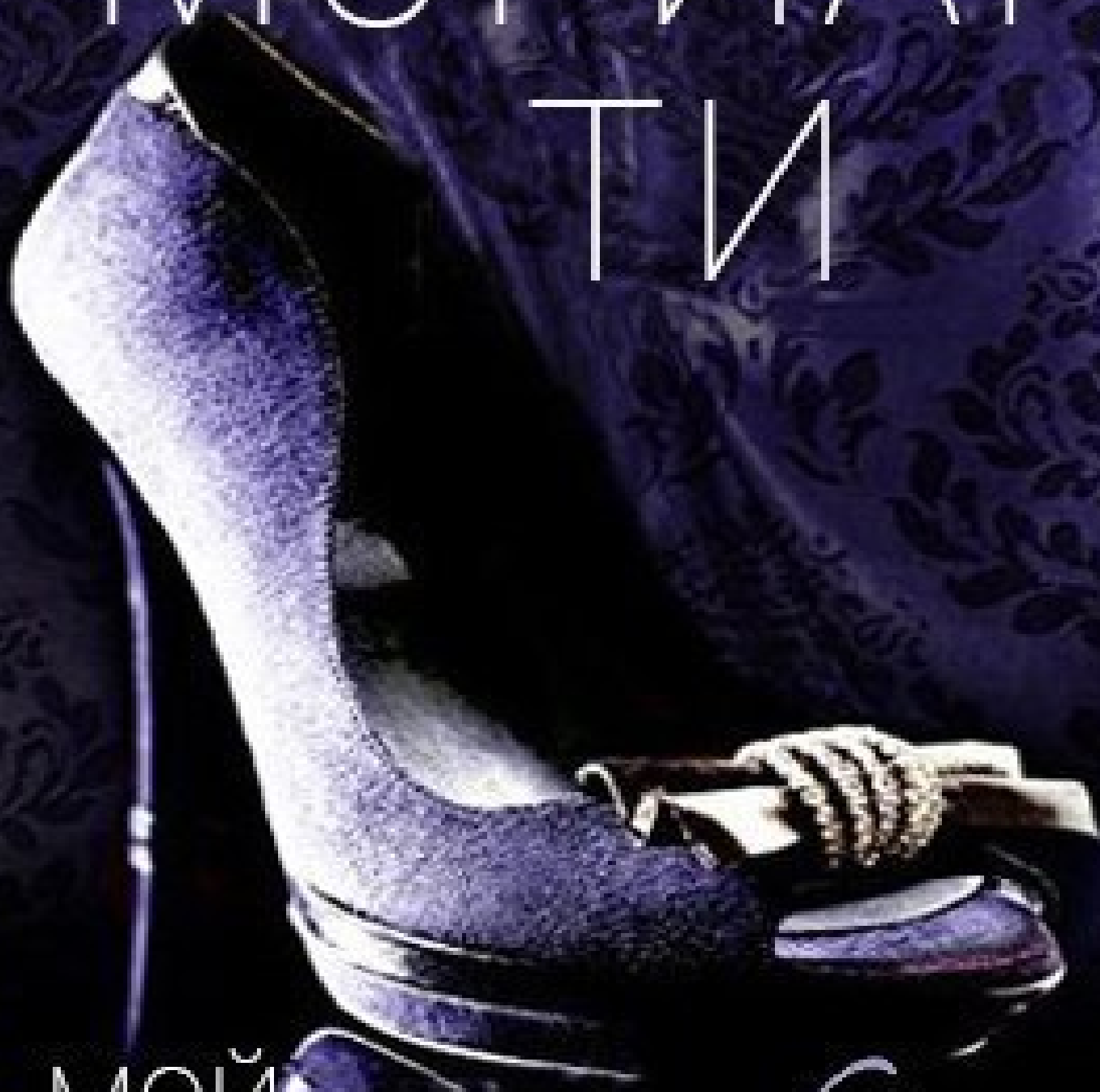

Автор бестселлеров по версии "New York Times" и "USA Today"

МЭРИАН ТИ

МОЙ

голландский

МИЛЛИАРДЕР

ВИЛЛЕМ И СЕРЕНИТИ

Мне было четырнадцать, ему двадцать восемь. Я была изъяном и белой вороной своей семьи. Он был Голландским миллиардером, о котором грезилась каждая девушка. Я хотела, чтобы он стал моим, но он встречался с моей старшей сестрой. Поэтому, я постаралась забыть. Перестать любить его. Я пыталась, но это причиняло ещё большую боль, до тех пор, пока я поняла, что ничего не выйдет. Ничего... кроме, как научиться жить без Виллема де Конаи.

ПРОЛОГ

Когда ей было двенадцать

— В позицию, девочки.

Наш пианист ударил по первым клавишам, романтическая баллада приобрела более нежный и медленный оттенок для нашего представления.

Мои стопы заняли пятую позицию с грациозной непринуждённостью. Носок левой ноги плотно прижат к пятке правой, а носок правой к пятке левой. За собой, слышу шипение девушек, в борьбе поставить свои стопы в идеальную параллель.

Я подняла руки в исходную позицию, и шёлк моих рукавов изящно соскользнул вниз. Сегодня была наша последняя репетиция перед грандиозным вечером, и все явились в костюмах.

Мадмуазель Альберта кивнула пианисту, который ударил по аккордам, служившим нам знаком преступать.

Мгновение собраться с силами, и начинаем тренировать пируэты.

Оборот, оборот, оборот.

Одна из девочек передо мной сбивается и наша преподаватель кричит:

— *Ты идиотка!*

Боковым зрением замечаю своего отца, Дэниэля Роли, который кивает преподавателю в знак поддержки с другого конца зала.

Изо всех сил стараюсь сохранять нейтральное лицо, и продолжаю выполнять пируэты. Нет смысла предлагать помощь. Мадмуазель Альберта не любит, когда кто-то сбивается. «Так устроен наш мир», любит она повторять. И сегодня девочки, которые нечаянно потянут мышцы, выполняя свои обороты, станут...

Неудачницами.

Иногда, я мечтаю набраться смелости, чтобы стать одной из них.

Я слышала, как та же девочка с рыданиями покидает класс. Она больше не является частью завтрашнего представления.

Так уж устроен наш мир.

— Ускоряемся, — командует мадмуазель Альберта.

Поворот, поворот, поворот.

Давление внутри меня возрастает. Белые стены сливаются с зеркалами. Куполообразный потолок выгибается. И отец, начинает размножаться прямо на глазах.

Так много Дэниэлей Роли, и у всех одно и тоже хмурое лицо.

Поворот, поворот, поворот.

В отчаяние я стараюсь сосчитать количество выполненных мною идеальных пируэтов.

Но давление усиливается.

Я напрягаю слух, чтобы сосредоточиться на звуках пианино.

Сколько аккордов осталось до того, как я смогу остановиться?

Сколько секунд?

Давление достигает моего сердца, и я уже едва могу разбирать музыку, которую забивает сбивчивый звук биения моего сердца.

Поворот, поворот, поворот.

Я начинаю терять равновесие.

НННННННННН.

Поворот.

Начинаю сбиваться.

Повороооот.

Покачиваюсь.

Пово...

Теряю равновесие.

Слышу рёв отца, который смешался с криком мадмуазель Альберты. Они не были обеспокоены. Не боялись. Они были в ярости.

Этот звук добил меня, и я впала в панику.

Выпрямляю руки, стараясь при падении сломать их.

— *Что значит, она не сможет выступить?*

Мистер Фергюсон отступил под напором злости отца своей пациентки. Подумав, что должно быть он прибывает в шоке, врач пояснил:

— Она сломала оба запястья, мистер Роли. Как я понимаю, завтрашнее выступление потребует от вашего ребёнка значительных усилий, что может навредить ей.

— Для моей дочери нет ничего невозможного. — Прервал мужчина. Он был высоким, стройным мужчиной в своих поздних сорока годах, и согласно информации, предоставленной секретарём, довольно известный в своё время танцор балета.

Не было ничего, кроме грации танцора, когда Дэниэль Роли совсем не нежно схватил подбородок дочери, призывая взглянуть на него.

— Ведь, правда, дорогая?

Даже не смотря на то, что слова были сказаны нежно, доктор почувствовал угрозу, и уже открыл рот, чтобы возразить, когда его пациентка тихо ответила:

— Да, отец.

Она была потрясающе красивым ребёнком, с белокурыми локонами, и лазурно-голубыми глазами. Но выражение её лица, обеспокоенно подумал доктор, было... пустым. Будто каждая её мысль и эмоция появлялись по команде отца.

Дэниэль взъерошил волосы дочери.

— Я знал, что ты так скажешь. — Он повернулся к доктору с гордой улыбкой. — Это у неё от меня. Она продолжательница моего наследия.

— Я вижу. — И в самом деле, доктор Фергюс начинал понимать. — В таком случае, я вас больше здесь не задерживаю. — Он повернулся к медсестре, которая только заканчивала бинтовать левое запястье девочки. — Я закончу, и займусь правым, сестра Симмонс. Вы бы

не могли провести мистера Роли в кабинет, и дать ему на подпись документы о выписке больной?

Дэниэль нетерпеливо встал.

— Да, да. Хорошая мысль. — Он пожал руку врача. — Спасибо за понимание.

И даже не взглянув на свою дочь, он направился за медсестрой прямо в смотровую комнату.

Доктор взял руку девочки, и когда был уверен, что Дэниэль находится вне зоны слышимости, мягко спросил:

— Всё ещё болит?

Ответа не последовало, только пронзительный взгляд.

Понимая, что нужно действовать аккуратно, он опустил глаза, и начиная оборачивать эластичный бинт вокруг правого запястья, тихо продолжил:

— Если тебе хоть немного больно, только скажи мне. Я напишу письмо, и тебе не придётся завтра выступать.

Но молчание продолжалось, и когда доктор решил, что девочка с ним не заговорит, он услышал шёпот пациентки:

— Отец разозлится.

Доктор замер. *Отец*. Не папа, а отец. Это казалось неправильным, но он всё же решил сказать то, что на самом деле не думал:

— Думаю, ты ошибаешься дитя. Ты не можешь разочаровать того, кто тебя любит. Твой отец любит тебя, и поэтому, он никогда не заставит делать тебя то, что может причинить тебе боль.

Девочка молчала, а доктор не хотел на неё больше давить. Он только надеялся, что в его словах есть доля правды.

И так и было, но совсем не так, как доктор Фергюс представлял это себе.

ХРУСТ.

Я была одна, моя комната тёмная и тихая, но я так отчётливо слышала этот звук, так отчётливо, будто мои кости опять ломались.

ХРУСТ.

Мне нравится этот звук.

ХРУСТ.

Закрываю глаза, и вспоминаю, как исполнилась моя мечта в мгновение ока. Я вижу себя танцующей перед переполненным залом. Рты всех приоткрылись в восхищении, но всё, о чём могла думать я, что они похожи на акул, которые разинули свои пасти, и вот-вот разорвут меня на куски.

ХРУСТ.

Помню этот пируэт, выполняя который, меня постигла свобода, я поняла, что если...

ХРУСТ.

Это займёт всего одну секунду, лихорадочно подумала я.

Снова и снова, с самого рождения, Дэниэль повторял мне беречь конечности от увечий.

А я всё крутилась и крутилась под пристальными взглядами, и не могла прекратить думать, что это займёт всего мгновение.

Секунда на притворится, что потеряла равновесие.

Секунда на то, чтобы сознательно сломать кости.

Всего одна секунда, и мне больше не придётся танцевать.

ХРУСТ.

Я свободна.

ХРУСТ.

Я улыбнулась воспоминанию.

А потом, открылась дверь, и вошёл отец.

Воспоминания тут же испарились вместе с приобретённой свободой.

Подходя ближе к кровати, Дэниэль странно и невнятно вымолвил:

— Ты проснулась.

Я была не в состоянии ответить прямо сейчас. Чувство вины прожигало меня изнутри, и я ощущала, как оно высасывает кровь из моего лица, и вызывает холодную испарину с головы до пят.

— Д-даа, отец. — Не могу заставить себя взглянуть на него. Я была в ужасе, что если сделаю это, он тут же узнает правду.

Я слышала, какой-то скрип, и краем глаза увидела, как отец перетаскивает стул поближе к кровати. Он сел без своей присущей грациозности, и тогда я поняла, что от него пахнет... странно.

Собрав смелость в кулак, я всё же взглянула ему в глаза, и меня накрыло волной сомнения, когда я увидела, что он не изменился. Дэниэль был одет всё в тот же костюм, что и на вчерашнем выступлении.

— Т-ты в порядке, отец? — Я должна была спросить это.

— Конечно.

Казалось, это был тот же самый приятный голос, который я слышала всю свою жизнь, но что-то в нём было не так.

Что-то плохое.

И мой ужас ещё больше усилился, когда отец ласково спросил:

— А почему я должен быть не в порядке, Серенити? Ответь ты мне.

Я поняла, что нервно сжимаю края одеяла.

— Ну же, дитя, ответь своему отцу. Почему ты спрашиваешь в порядке ли я, если это ты в больнице?

Моё сердце пыталось вырваться из груди, а мозг лихорадочно перебирал наихудшие опасения.

Пожалуйста, пожалуйста, это не может быть правдой, пожалуйста.

Я сглотнула.

— О-отец.

Но Дэниэль прервал меня.

— В конце концов, мне не на что злиться. Не из-за чего быть разочарованным.

Я вспомнила слова доктора Фергюса.

«Ты не можешь разочаровать того, кто тебя любит».

Я побледнела.

Доктор Фергюс ошибался.

Но что было ещё хуже, мой отец знал.

Он всё знал.

Наши глаза опять встретились.

О нет, отец всё знает.

— Мистер Фергюс написал письмо, ты знаешь? — Непринуждённо сказал Дэниэль. — Он передал его нескольким влиятельным людям, и из-за этого письма, я больше никогда не смогу преподавать танцы детям. В том письме, он сказал, что я принуждал тебя к танцам, и что он опасается, я могу заставлять тебя танцевать, даже если тебе это причиняет боль.

Он потянулся ко мне, и я вздрогнула, прежде, чем успела даже подумать об этом.

— Ой, что это было? — Нахмурился Дэниэль. — Ты боишься своего собственного отца?

Да.

А прошептала:

— Нет.

Он долго смотрел на меня, перед тем, как кивнуть.

— Я так и думал. — Сказал он, откидываясь на спинку кресла. — Он ведь ошибался? Не так ли?

Нет.

А прошептала:

— Да.

— Я старался им это объяснить, но никто не поверил мне. Они не знают тебя так хорошо, как я. Правда, Серенити?

Нет.

Я начала дрожать.

— Да.

— На самом деле, ты ведь хочешь танцевать? Правда?

Нет.

Слёзы сдавили моё горло.

— Да.

Отец начал что-то доставать из кармана.

Мне стало ещё страшнее.

А потом, я увидела, что это было, и перестала дышать.

— Отец...

Он улыбнулся, перед тем, как прижать дуло пистолета к своему виску.

— ОТЕЦ, НЕТ!

— Какая же ты лгунья.

Дэниэль спустил курок.

1.

— Хочешь ещё вина? — Спросила Шейн улыбаясь, а потом, дразня, добавила, — Даже если это ты и сам привёз его.

Виллем де Конаи улыбнулся ей в ответ.

— Разве только на дорожку, а потом, боюсь, мне всё же придётся уйти.

— Так скоро? — Шейн притворно надула губки, но только потому, что знала, так она выглядит ещё симпатичнее. — Но я всё ещё не споила тебя.

Виллем улыбнулся, очарованный правдивостью девушки, с которой сегодня у него было свидание. Женщины редко проявляли это качество в его обществе. Большинство из них всегда старались делать то, что, по их мнению, он ожидает от них.

— Боюсь, что спойть меня, будет довольно проблематично для любого. — Ответил он Шейн хриплым шепотом. — Но я, оценил твой порыв.

Удовлетворённая улыбка переливалась на губах Мелани Роли, когда она наблюдала данную сцену, сидя во главе стола. Шейн делала всё очень, очень правильно. Определённо, наем кейтеринговой компании на сегодняшний вечер того стоило.

Спустя ещё десять минут подшучиваний, Голландский миллиардер вежливо распрощался, и Мелани одарила свою дочь пронзительным взглядом. Это служило напоминание Шейн, что перед другими своими поклонниками, она может показывать свой характер, но только не перед де Конаи, пока не заполучит от него заветное кольцо.

Правильно поняв предупреждение Мелани, Шейн подарила Виллему снисходительный кивок.

— Я понимаю, — ответила она беспечно, — обязанности зовут, так ведь?

Когда ярко-голубые глаза её кавалера заблестели в знак согласия, Шейн поняла, что поступила верно.

Мелани встала из-за стола, и пара повторила за ней.

— Надеюсь, в скором времени ещё увидеть вас, мистер де Конаи, — сладко пробормотала она.

— Только, если вы окажете мне услугу, и позволите пригласить вас двоих ко мне домой, — галантно ответил Виллем.

Когда мать вышла, Шейн провела Виллема до выхода из пентхауза Мелани, убедившись, что её бёдра вызывающе покачиваются при каждом шаге. Когда они дошли до двери, Шейн оглянулась на Виллема через плечо.

Миллиардер в ответ вздёрнул бровь, и у Шейн перехватило дыхание. Этот мужчина был чертовски великолепен и сексуален, и он это прекрасно знал.

Всего секунда, и Виллем де Конаи притянул её в объятия, его рот мастерски завладел её.

С большинством богатых мужчин, с которыми встречалась Шейн, ей приходилось изображать страсть, и иногда даже любовь. Но с Голландским миллиардером, ей не нужно было притворяться вовсе. Было невероятно просто раствориться во властных прикосновениях Виллема, к тому же, у него столько миллионов, что она даже боялась представить. В любом случае, это не имело особого значения. Возможно, она и была маленькой самоуверенной сучкой, но даже ей не хватало уверенности, чтобы поверить, что миллиардер будет с ней только из-за её внешности. Она готова была стать кем угодно и чем угодно, лишь мы носить имя де Конаи.

Виллем прижал её к стене, и Шейн закрыла глаза в истинном экстазе, когда его губы сжали её сосок через ткань. Он прикусил его, и её рот распахнулся с тихим стоном.

Она почувствовала, как его рука скользит вниз, проникая под юбку, в поисках её чувственного места. А потом, он стал ласкать её. Шейн перехватило дыхание.

А уже в следующее мгновение, она достигла пика своего наслаждения. Шейн содрогалась в его умелых руках, уткнувшись в ароматную шею Виллема, сдерживая крики.

Как только он отстранился, она покачала головой, и прежде, чем мог её остановить, Шейн опустилась на колени, расстегнула его брюки, а затем, взяла его невероятно возбуждённый член в рот.

Виллем грубо сжал её голову.

Она начала сосать его. Шейн давала ему всё что могла, но под конец, он взял дело в свои руки, схватив её за голову, и двигаясь до тех пор, пока глубоко не излился в её рот. Она

проглотила всё, даже не смотря на то, что не переносила вкус спермы.

Позже, она убедилась, что её голос звучит беспечно, и сказала:

— До свидания, — она понимала, что один только знак, что она цепляется за него, и миллиардер тут же бросит её.

— Я позвоню тебе, — ответил Виллем. — А теперь, запри дверь, и приятных сновидений.

Зная, что миллиардер привык к беспрекословному повиновению, Шейн улыбнулась и кивнула в ответ.

— Спокойной ночи, — пожелала она, и заперла дверь, и после мимолётного сомнения, она бросилась вверх по лестнице, желая поделиться с Мелани своим прогрессом.

Терпение — ключ к успеху, подумала про себя Шейн. Даже если у неё уйдут на это годы, она будет терпелива и станет выжидать удачного случая, чтобы привести миллиардера к алтарю.

Виллем де Конаи дождался, пока стихнут звуки шагов Шейн, чтобы уйти. Когда он спустился в хол здания, то нахмурившись, заметил, что его охранники разговаривают с женщиной.

Ещё до того, как он успел узнать, что тут происходит, охрана быстро развернулась к нему лицом, и стала по стойке смирно. Из-за широких спин охраны с опаской на него устремилась пара голубых глаз, поразительно похожих на глаза самого Виллема.

Это была не женщина, ошеломлённо заметил он. А девочка — подросток, чьё лицо было невероятно красивым, и ... пустым.

Слишком пустым.

Он взглянул на свою охрану, и они поняли немой приказ, отступив назад, они открыли его взгляду девушку, скрывающуюся за их широкими спинами.

Ах.

Увидев её лицо полностью, он тут же узнал, кем она была, сходство с Шейн было слишком очевидным, чтобы сразу признать в ней младшую сестру, о которой Шейн кратко упоминала.

Он наблюдал за её реакцией на его появление, Виллема позабавило то, что она осталась всё такой же спокойной.

Какая прекрасная выдержка, подумал он. В отличие от её неутомимой сестры, и в ней нет ни капли дерзости, присущей подросткам.

— Привет, — Виллем сохранял голос беспечным, предлагая ей свою руку, согласно своего воспитания. — Виллем де Конаи.

— Здравствуйте, — её голос был тихий, но чёткий. Её мягкая и хрупкая рука опустилась в его. — Серенити Роли.

— Ты младшая сестра Шейн?

— Да, сэр.

— Виллем — будет предпочтительнее.

Девушка просто кивнула.

Они изучали друг друга.

Нужно уйти, думал Виллем. Он никогда не тратил времени на разговоры с девочками-подростками, и ему не следовало начинать делать это с младшей сестрой Шейн.

Ему следовало уйти... но он не мог.

Ему нужно уйти, думала Серенити. Или, по крайней мере, она должна хотеть, чтобы он ушёл, потому что, чем меньше времени она проведёт с ухажером Шейн, тем меньше проблем у неё будет впоследствии.

Она должна сказать ему, чтобы он ушёл, правда...но она не могла.

Наконец, он спросил:

— Долго ли ты общалась с моей охраной?

Она ответила ему молчанием, и правильно поняв причину, он добавил:

— Этот вопрос без подвоха. Чтобы ты не ответила, это никоим образом не скажется на их работе.

С его словами, было заметно, как напряжение покидает тело девушки, но голос остался осторожным, когда она всё же ответила:

— Некоторое время.

— И сколько минут, — с любопытством поинтересовался он, — длилось это некоторое время?

— Просто, некоторое время, — настойчиво ответила девушка.

Он поднял бровь.

Больше книг Вы можете скачать на сайте — Knigolub.net

Девушка в ответ тоже подняла бровь.

Виллем с трудом сдержался, чтобы не захохотать. Большинство людей подумали бы дважды, даже трижды, чтобы сделать так, а тут перед ним стоит девочка, которая ведёт себя, будто они с ним равные.

Ему это нравилось, и восхищение Шейн и Мелани Роли перешло на новую ступень. Им удалось дать прекрасное воспитание младшей дочери.

— Ты только что вернулась из школы-пансиона?

— Да. — Настороженность Серенити возросла, с увеличением интереса миллиардера. Она никогда не видела его фото, но узнала имя. Он, должен быть слишком занят, для разговоров с никем, вроде неё. Так почему же он это делает?

Нежелание девочки говорить с ним, больше умиляло его, нежели беспокоило, и он любезно сказал:

— Прошу простить меня, что задерживаю. Ты должна сейчас отдыхать, а не посмеиваться над любопытством старика.

— Вы не старик, — не подумав, выпалила Серенити, и тут же залилась румянцем. Она никогда не говорила что-то с таким рвением.

— Ты так думаешь? — Будничным тоном протянул Виллем, делая вид, что не замечает смущение на щеках девушки. — В таком случае, могу я поинтересоваться, сколько тебе лет?

— Четырнадцать, сэр.

— Ну, а мне двадцать восемь. Это вдвое больше.

Девушка только моргнула.

— Всё равно не старый.

Упрямая, сделал вывод Виллем. Как противоречиво, особенно, если учесть её обманчиво скромный вид.

— Ну, если ты так считаешь, — в знак согласия пробормотал он. Он был экспертом в одержании побед в словестных перепалках, за это и заработал репутацию, одного из самых известных Европейских переговорщиков.

— В ближайшее время, я планирую, чтобы твоя семья присоединится ко мне за ужином. Надеюсь, и тебя там увидеть.

— Если я буду не на занятиях, сэр.

Её настойчиво вежливое поведение, заставило дёрнуться уголки его губ.

— Я прослежу, чтобы приглашение было направлено в период каникул. — Неосознанно, он протянул руку, чтобы прикоснуться к её волосам.

Серенити увидела, как большая рука приближается к ней, и вздрогнула всем телом, не успев остановить себя.

Виллем замер.

Она побледнела.

— Серенити...

— Простите, — её голос был резкий и в то же время пронзительный. — Я не должна вас задерживать, — она сделала шаг назад, — было приятно с вами познакомиться, сэр.

— Не менее приятно и мне, — он прищурил глаза, от неожиданно появившейся бледности её кожи.

Казалось, она уже его не слышала, и смотрела сквозь, на охрану.

— Было приятно с вами поговорить, мистер Молен, мистер Смит.

Серенити только дождалась прощальных слов от двух мужчин, и тут же развернулась, чтобы уйти. Она постаралась не встречаться с пристальным взглядом мистера де Конаи, и как можно быстрее, практически переходя на бег, бросилась прочь.

Она была так, так глупа. А что, если Шейн или Мелани узнают о её реакции? И используют это, как повод, чтобы отказаться от её финансирования?

К счастью, в квартире было тихо, когда Серенити вошла в гостиную, свет был выключен. Если повезёт, то сегодня ей удастся отдохнуть, а уже завтра придумывать оправдания. Она тихо пробралась до самого верха лестницы, и услышала голос своей сводной сестры.

— Уверю тебя, мама, — уверенно заявила Шейн. — Он у меня на крючке. Он будет моим. Это только вопрос времени, и я стану миссис де Конаи, и это будет так великолепно. — Хихикнула Шейн. — Возможно, даже более великолепно, чем его поцелуи, которые, такие...

Серенити не стала дожидаться продолжения. Она почувствовала слабость, не понимая причины, и бросилась в свою комнату. Уже почти достигнув двери, она услышала, как открылась дверь в комнату Мелани, и сердце Серенити замерло.

Она обернулась, как раз, когда мачеха и сводная сестра показались в коридоре.

— Почему ты здесь?

Голос Шейн всегда такой грубый, рассеяно подумала Серенити, подбирая оправдание. Интересно, знает ли миллиардер о сварливой стороне её сестры?

Когда она закончила говорить, Мелани недоверчиво поинтересовалась:

— Ты хочешь мне сказать, что останешься на весь уикенд?

— Боюсь, что да, мэм.

Зная, что больше всего их сейчас беспокоило, она быстро добавила:

— Но большинство времени, я проведу в библиотеке. — Это был вежливый способ, дать им понять, что она знает, как они не любят, когда Серенити путается под ногами, и будет несложно сделать так, чтобы они забыли о её существовании.

Обе женщины заметно расслабились от её слов.

— Приятно это слышать, — с облегчением пробормотала Мелани.

— Мы обе слишком заняты, чтобы нянчиться с тобой, — добавила Шейн, — Надеюсь, ты не принесёшь нам никаких хлопот, пока будешь здесь.

— Конечно, — вежливо ответила Серенити.

С нетерпеливым выражением, Мелани сказала:

— Тогда, больше нечего обсуждать. — Жестом, она указала Шейн отправляться обратно в её комнату, пропустив дочь, она тут же захлопнула за ними дверь.

Серенити вошла в свою комнату, тихо закрывая свою дверь.

Она думала о Виллеме де Конаи, когда принимала душ и переодевалась в пижаму. Даже, когда легла на спину, уставившись в темноту своей комнаты, мысли о Голландском миллиардере не покидали её.

Как странно, подумала Серенити. Она никогда раньше не думала о представителях противоположного пола.

А потом, она вспомнила слова, которые говорила Шейн о Виллеме де Конаи, и почувствовало что-то ещё более странное.

Боль, пронзила её сердце, от одной мысли о том, что Шейн выйдет замуж за миллиардера.

Болезненно.... Но странно.

Это была последняя мысль Серенити, перед тем, как она погрузилась в беспокойный сон, о том, как её сводная сестра танцует в руках миллиардера.

2.

Как только лимузин тронулся с места, Виллем не теряя ни секунды, разложил, специально вмонтированный столик для ноутбука, и запустил свой «MacBook Pro».

В строку поисковика, он ввёл имя Серенити, и был ошеломлён, когда загрузились десятки архивных новостей. Он быстро, но тщательно просмотрел текст, и интересующие его вопросы, сами собой отпали.

Он напомнил Серенити её отца, когда потянулся к её волосам, мрачно осознал Виллем.

Закрыв ноутбук, он поинтересовался у своих охранников, как долго те разговаривали с Серенити.

Перед тем как ответить, Смит немного поколебался.

— Практически час, сэр.

— Виллем скептически переспросил:

— Практически час?

— Сорок восемь минут, если быть точным, сэр. — Уже ответил Молен. — Это наш установленный порядок, регистрировать время общения с кем-либо, когда мы на смене, позже, это может пригодиться.

— И о чём же вы говорили?

— Ничего особенного. В основном, девочка задавала вопросы. — Первый охранник сделал паузу, а затем добавил. — Однако, мы заметили, её явное нежелание показываться дома, когда она узнала, что её родные принимают гостя.

— Ясно... — Как любопытно, про себя подумал Виллем. А потом, у него зазвонил телефон, и чем больше его увлекали в дискуссию об экономическом кризисе на континенте, а так же, их последствиях, мысли о Серенити Роли были забыты. И, по всей видимости, он

бы не стал тратить больше ни единой мысли на неё, если бы сама судьба не вмешалась в ход истории сразу же на следующий день.

Виллем спускался на эскалаторе на первый этаж библиотеки, перед ним и позади стояла охрана, когда он услышал какую-то суматоху на противоположной стороне. Любопытство заставило его повернуть голову туда, где мать ругала ребёнка за то, что он половиной тела перевесился через перила.

За ними была Серенити.

Она была одета в нежно-голубую рубашку с коротким рукавом, которую заправила в белые шорты, и направлялась в противоположном направлении от Виллема. словно почувствовав прикосновение его взгляда, она взглянула вверх, и голубые глаза встретились с голубыми.

Она достигла верха, и сошла с эскалатора.

Он достиг низа, быстро сошёл, обогнул расстояние до соседнего эскалатора, и ступил на него, поднимаясь снова вверх.

Это сбило с толку его охрану, и они засемили следом за Виллемом, но он не обращал на них никакого внимания. Он был глубоко погружен в свои мысли, и не сводил глаз с девушки, которая спокойно стояла в стороне от эскалатора, и также, не моргая смотрела прямо ему в глаза.

Если бы на её месте была любая другая женщина, он был бы уверен, что эта встреча была подстроена. Но это была Серенити Роли, и было что-то благородное в четырнадцатилетней-девочке-слеш-женщине, что не давало ему ни единого повода даже на мгновение подумать о ней плохо.

Единственное, что могла сделать эта девушка намеренно, так это постараться избежать его.

Когда он сошёл с эскалатора, и направился к ней, она вымолвила:

— Сэр.

— Виллем, — его голос был всё так же вежлив, он сказал это специально, чтобы подразнить её.

Светлые брови Серенити поползли вверх, но даже морщинки удивления, появившиеся на её бледном, гладком лбу, ни капли не умаляли её очарования, и он рассеяно ещё раз подивился, как прекрасна она была.

Она определённо разобьёт не одно мужское сердце, подумал Виллем, но не так, как это делала Шейн. Нет, красота её старшей сестры была более яркой, даже ослепительной. А внешность Серенити, была напротив, более мягкой, и ... доброй, даже успокаивающей, не смотря на то, что её губы совсем не трогала улыбка.

Осознание этого, заставило Виллема нахмуриться, и вспомнить события её детства.

— Ты часто бываешь в «ОДА»? — Услышал свой вопрос Виллем, назвав библиотеку её сокращённым названием, проверяя, поймёт ли она. Он не понимал, почему это имеет для него значение, но так и было. Он хотел знать, что Серенити хорошо адаптировалась к своей новой жизни.

— Это моё любимое место в городе.

— А как тебе Мокум в целом? (прим. «Мокум» (Mokum) — на старом амстердамском диалекте означает Амстердам.) Как ты его находишь?

— Умиротворяющий. Ничего не имеет общего с городом, в котором я выросла.

То, что она признала местное название города, расслабило Виллема.

Если газеты не лгали, то она жила в Амстердаме с её сводной сестрой Шейн и мачехой, всего шесть месяцев. В среднем, достаточный промежуток времени, чтобы успеть адаптироваться к новым условиям, но когда один из твоих родителей, застрелился прямо на твоих глазах, наверное, и вечности будет мало, чтобы прийти в себя.

— Ты уже хорошо успела изучить Амстердам?

Сестра Шейн покачала головой.

— Мне нравится наслаждаться каждым новым открытием.

Какой необычный ответ для четырнадцатилетней девушки, подумал Виллем, но опять же, в ней не было ничего посредственного.

— Ты часто прогуливаешь?

— Иногда. Чаще, беру свой велосипед.

— Понятно. — Одним из хорошо известных фактов было то, что в Амстердаме велосипедов больше, чем людей, но большинство женщин, которых он знал, считали велосипед ниже своего достоинства, и предпочитали им шикарную машину с водителем.

— А вы, сэр? — спросила она его.

Он был озадачен.

— А что я?

— Что привело вас в библиотеку?

— Я был приглашён на церемонию разрезания ленты, как представитель королевской семьи. — Он ожидал, что она сейчас засыплет его вопросами о своих королевских корнях, и она хотя бы на половину утолит его желание.

— А теперь, я могу идти, сэр? — Она задала вопрос, но не тот, который он ждал.

— Да, конечно. — Он подавил улыбку, уныло думая, как девушка скромно держится с ним. — Я не имел намерения задерживать тебя. — Казалось, ему было суждено повторять эти слова снова и снова, но самым худшим было то, как часть его жаждала не отпускать её.

Сделать всё, чтобы не причинить ей вреда.

— Хорошего дня, сэр.

— И тебе.

Он смотрел, как она уходит, длинные белокурые локоны были собраны жгутом, идеальная осанка, а походка неуверенная, потому что она... прихрамывает.

Виллем прищурил глаза, продолжая следить за ней, и он должен был принять правду, что он не ошибся.

Она *храмает*.

— Серенити.

Она услышала, как Голландский миллиардер назвал её имя, и заставила себя остановиться, хотя всё её нутро кричало бежать. Было что-то в том, как он произнёс её имя, которое Серенити не любила, и когда предполагаемый парень её сестры, опять предстал перед ней, она поняла причину.

Она увидела это в его глазах, которые зловещим образом были похожи на её.

Она увидела это в мрачном выражении его лица, которое было слишком красивым для того, кто был так несметно богат.

И ещё, она заметила то, как он запустил руки в карманы своих брюк, подходя к ней.

Жалость.

Ей казалось, он жалеет её по правильным причинам. Такой человек, как Виллем де Конаи, не стал бы беспокоиться по поводу того, чтобы искать давно забытую историю осиротевшей дочери Дэниэля Роли.

Что же интересовало Виллема де Конаи, чтобы Серенити знала, что у миллиардера не было проблем с получением информации.

Но если бы он узнал, что её интересует его жалость, это стало бы разочарованием для него.

Когда миллиардер, наконец, подошёл, она тут же выпалила:

— Я не всегда буду хромать. — Это была не ложь, но так же и не вся правда. Врачи говорили ей, что хромота уменьшится со временем, но полностью всё равно не исчезнет.

Её это устраивало.

К сожалению, с окружающими было по-другому, в том числе, и мужчину, стоявшего перед ней.

— Понятно. — Но Серенити видела, что ему сложно в это поверить. Она практически ощущала его разочарование, гнев, что она страдает таким недостатком.

И на секунду, она искусилась объяснить ему, что всё не так плохо, как выглядит. Но гнев... овладел и ею, и она захотела, чтобы он понял, что хромота — её способ искупления, столь необходимое напоминание о том, что случается, если она вновь решит быть эгоистичной вновь.

Но, в конце концов, она не стала. Не было смысла. Она была уверена, что интерес миллиардера, мимолётный, очередная прихоть богатого человека, которая непременно испарится.

— Всё ещё болит? — услышала она его вопрос.

Она покачала головой. Ещё одна полуправда. Практически никогда не болит, но это тоже не стоит знать миллиардеру.

— Твоя обувь, — пробормотал миллиардер. Говоря эти слова, он уставился на её двухдюймовые каблуки, как будто, её выбор обуви, оскорбил его. Она всё ещё спорила с собой, считать ли его слова обидными или нет, когда он продолжил.

— Разве, они не добавляют тебе дискомфорта?

Серенити почувствовала, как розовеют её щеки, когда она растеряно, выдала новую полуправду:

— Н— не совсем. — Она не могла перестать чувствовать вину от того, что так плохо восприняла его слова, когда он просто беспокоился о ней.

Губы миллиардера внезапно дрогнули, и Серенити с ужасом осознала, что он знает причину её смущения. Однако его голос был вежлив и формален, когда он сказал:

— На этот раз, действительно, не хочу тебя более задерживать. Хорошего дня, Сири.

Её так поразило, использованное им сокращение, что она даже не успела ответить, осознав, что Виллем уже ушёл.

Он покинул её смотреть ему в след, покинул в борьбе с причудливыми мечтаниями, которые не имели места в реальной жизни.

Он был Виллемом де Конаи, мужчиной, *на четырнадцать лет старше* её.

Он был Виллемом де Конаи, мужчиной, поцелуи которого заставляли поверить, что даже у её старшей сестры было сердце.

Он был Виллемом де Конаи, миллиардером, о котором грезилась каждая девушка.

Серенити приложила все усилия, чтобы напомнить себе это, и забыть его.

И ей практически это удалось, пока она не вернулась в школу на занятия, и не обнаружила на своей кровати, красиво упакованную посылку, ожидающую её.

Внутри оказалась пара самых изысканных бальных туфель, и трясущимися руками, она достала одну. Она провела по ним пальцами, и слёзы сдавили её горло. Ощущение материала, дизайн и пошив, дали ей точно понять, что данная пара была создана специально для такой, как она.

Серенити уже собиралась вернуть туфлю обратно в коробку, и увидела на дне карточку.

Когда её впервые положили в больницу, люди слали ей подарки и карточки, и все они желали ей скорейшего возвращения в танцевальный мир. Мысль, о том, что эта записка может быть о том же, заставило её живот скрутиться в узел.

Тяжело вздохнув, она всё же перевернула карточку, чтобы прочесть сообщение, оставленное вручную.

Для того, чтобы ты парила.

ВДК

3.

Дни Серенити в школе-пансионе, сливались в единый поток непрерывных занятий, и все из них для неё проходили, словно на автомате. Физически, она присутствовала на каждом уроке, но каждую секунду, её мысли терялись в мечтах, а сердце, в безграничных надеждах.

Каждую ночь, она проводила за поиском в интернете любой крупицы информации о Виллеме де Конаи. Она изучила всё о его бизнесе, но каждый раз, когда попадала на очередное фото с новой женщиной, она тут же кликала на значок "X", чтобы поскорее от них избавиться. Это были фото, о существовании которых, она желала забыть, а особенно те, на которых её сестра и Виллем де Конаи были вместе.

Бывали дни, когда Серенити молилась, чтобы перестать быть столь неистово влюблённой. Она была уверена в том, что это истинная первая влюблённость, т. к. до Голландского миллиардера, она вела абсолютно беззаботную жизнь, и ничего подобного не испытывала к представителям противоположного пола.

В другие дни, ей хотелось плакать навзрыд, от того, как сильно у неё щимило в груди.

Не существовало подходящих слов, чтобы объяснить растущую, невидимую боль внутри неё, и не было ни единого способа, чтобы объяснить, насколько мир пуст, понимая, что Виллем де Конаи существует, и он сейчас не с ней.

Он не с ней.

Ох, как её четырнадцатилетнее сердце разрывалось на части от этой мысли.

К тому моменту, когда осень начала сдавать свои права зиме, Серенити практически убедилась в том, что и её чувства к Голландскому миллиардеру стали исчезать. Всё потому, что она была так одинока, а он стал первым мужчиной, который проявил к ней доброту, и это было вполне естественно, что она *вообразила*, что влюблена в него.

Но на самом деле, это было не так.

И, возможно, ей всё же удалось бы в это поверить всем сердцем, если бы судьба снова не вмешалась в ход их истории.

— К вам посетитель, мисс Роли, — сообщила ей секретарь школы.

— Спасибо, мэ, — ответила Серенити, и медленно встала. Могут ли это быть Мелани или Шейн? Может, что-то случилось дома?

Даже не потрудившись, переодеть форменный школьный пиджак, и плиссированную юбку, она со всех ног бросилась в зал для посещений, и услышав голоса, доносившиеся оттуда, она поспешила на звук. Там она увидела директрису школы, в сопровождении двух старших учителей, которые разговаривали с высоким джентельменом, с блондинистыми волосами, который был одет в сшитый на заказ итальянский костюм. Её шаги сбились. Директриса обернулась.

— О, миссис Роли уже здесь.

Джентельмен повернулся к ней. Конечно же, это был он. Виллем де Конаи.

И в тот самый момент, всё стало ясно. Предельно ясно, и Серенити подумала, "так вот какая она, любовь".

Уже менее, чем через минуту, их оставили наедине, по крайней мере, настолько наедине, насколько, может быть миллиардер рядом, со своей охраной, находившейся на небольшом расстоянии от того места, где они сидели. Сразу же узнав их, Серенити поприветствовала их по именам, и пара кивнула ей в ответ.

Это был короткий обмен любезностями, во время которых, Виллем молча умилялся. Он заметил, как оба охранника обменялись взглядами, удивляясь, что сестра Шейн, всё ещё помнит их имена.

Когда всё было позади, Виллем решил успокоить Серенити пояснением своего присутствия здесь. Он поведал, что по долгу своей работы, был приглашён на ярмарку вакансий в школу директрисой, и учитывая приятное совпадение, решил встретиться и с ней.

— Понятно.

Неужели, умилился Виллем. Потому что, если она раскусила его блеф, и поняла, что он лжёт, тогда она лучшая актриса, чем он.

Это была правда, что его пригласили на ярмарку вакансий. Но ему не нужно было приезжать сейчас. И на самом деле, он тут, чтобы повидаться с Серенити.

— Надеюсь, я не отрываю тебя от важных школьных заданий?

— Нет, сэ.

И опять, он начал изучать её, пока она говорила, и отметил, что она стала ещё красивее, с тех пор, как они виделись в последний раз. Её щёки полыхали, а голубые глаза искрились. Из неоткуда всплыла мысль, что причиной подобному преображению Серенити Роли, мог послужить *парень*.

Данная мысль абсолютно его не устраивала, и он постарался прогнать ощущения, которые она вызывала. Просто он вёл себя, как её старший брат, учитывая, что она младшая сестра Шейн, вот и всё.

— Спасибо вам за туфли, мистер Конаи, — он услышал голос Серенити.

— Мне доставило огромное удовольствие, подарить их. И, Виллем, пожалуйста.

Он ожидал, что она, как обычно откажется, но она этого не сделала.

Вместо этого, он наблюдал, как Серенити сделала глубокий вдох, и мягко, с долей опаски, сказала:

— Виллем.

Ах.

Он замер, ровно, как и она.

Это было всего лишь, его имя, на её устах, но он ощутил, как его мир накренился, и видя, как она с трудом сглотнула, он понял, что Серенити почувствовала тоже самое.

Как бы там ни было, невидимая связь соединила их вместе.

Это потому, что она так уязвима, старался пояснить сам себе Виллем. Она просто заставляла его почувствовать, как бы больно для него было, будь на её месте одна из его сестёр, если бы они прошли сквозь всё, что пришлось преодолеть Серенити, и именно поэтому, между ними и установилась связь.

Потому что, он идеален. Постаралась напомнить себе Серенити. И то, что она любит его, ещё не значит, что он станет автоматически любить её в ответ. *И он не станет.* Он встречается с её старшей сестрой, и что более того, он идеален — слишком идеален для кого-то настолько эгоистичного, как она.

Серенити подскочила от неожиданности, когда миллиардер подался к ней вперёд, и даже, когда он всё же откинулся назад в кресле, не помогло ей расслабиться.

— Это всё меняет, — пробормотал миллиардер.

Её сердце дрогнуло, но Серенити постаралась сохранить голос спокойным, когда заговорила:

— Что меняет?

— Всё, между нами с тобой.

Серенити затаила дыхание...

— Не знаю как это объяснить, но если всё же пришлось бы, думаю, я бы сказал, что ты напоминаешь мне моих младших сестёр.

... и расслабилась, когда поняла, что имел ввиду миллиардер.

Какая же она была глупая, глупая дурочка. Как могла подумать, что миллиардер способен сказать, что полюбил четырнадцатилетнего ребёнка?

— Они тоже хромают, мистер де Конаи?

Его губы изогнулись.

— Нет. Они просто, так же, вежливо дерзки, как и ты.

— Не понимаю о чём вы, сэр.

Его глаза заблестели, когда он протянул в ответ:

— Ну конечно, не имеешь.

Он встал, и когда она повторила за ним, медленно потянулся к её волосам. Он дал ей миллион возможностей, чтобы она успела отстраниться. Но она этого не сделала.

Виллем погладил её волосы.

Серенити дрожала всем телом, но не двинулась с места, а её глаза были прикованы к его.

Убирая руку, он просто сказал:

— До свидания, *ангел.*

Больше он не сказал ничего, инстинктивно понимая, что Серенити Роли, не смотря на её возраст, достаточно умна, чтобы прочесть между строк.

С этими словами, он пообещал ей, чтобы не случилось в будущем между ним и её старшей сестрой, это никоим образом не повлияет на их странную, и практически, фантастическую связь.

С этими словами, он пообещал ей свою верность, и защиту.

И с этими же словами, потребол того же самого и от неё.

Серенити медленно кивнула.

— Обещаю. Виллем.

4.

Утро!

Глаза Серенити всё ещё не сфокусировались после сна, но она уже бросилась к прикроватной тумбочке, на которой лежал её смартфон.

Ага!

Усаживаясь поудобнее, и протирая глаза, она быстро заскользила пальцами по экрану, стараясь, как можно быстрее открыть почту, повторяя про себя мантру, что она не расстроится, если там не будет...

Её сердце резко переместилось в район горла, а дыхание перехватило, когда она увидела число, указывающее на то, сколько входящих писем ждёт её.

Медленно, она поднесла палец к значку почтового ящика, и нажала на него.

Ох!

Она с шумом втянула воздух.

Новое письмо от Виллема!

Дорогая Серенити,

Да, ты действительно прошла отбор, и получила возможность следующим летом пройти программу стажировки. И нет, я не прибежал к своим связям, чтобы ты получила это место.

Да, я думаю, что ты слишком серьёзно отнеслась к этому. Могу ли я напомнить тебе, что я являюсь генеральным директором компании, в которой ты хочешь проходить стажировку, а также, что я один из основных акционеров, и соответственно, моя власть является абсолютной и неоспоримой?

Пожалуйста, позвони мне, как только прочтёшь данное сообщение.

Твой,

ВДК

Когда её сердце перестало настолько бешено биться, и позволило ей полноценно дышать, она перечитала письмо ещё раз, но уже более вдумчиво. На сегодняшний день, они уже полгода обменивались е-маилами. Она написала ему на следующий день, после его визита в школу, Серенити решила, что просто поблагодарит его за доброту, и не будет ждать ничего взамен. Но он ответил, а она не смогла удержаться, чтобы снова ему не написать. И это было начало их постоянной переписки.

И звонков, рассеянно подумала Серенити, нажимая кнопку быстрого набора номера Виллема.

Он сразу же ответил.

— Доброе утро, Серенити, — как всегда, его голландская манера растягивать слова, вызвала дрожь во всём её теле, и потому, что она была одна в комнате, Серенити позволила себе прикрыть глаза, и насладиться звуком его голоса.

Она могла целую вечность провести так, просто слушая, как говорит Виллем де Конаи.

Но конечно же, она не могла позволить ему узнать это.

— Доброе утро, Виллем. У тебя есть время поговорить?

— Да, — кратко ответил он. Но Виллем был истинным голландцем, и если он говорит "да", то именно это и имеет в виду. В свои первые месяцы пребывания в Амстердаме, Серенити оценила склонность местных к прямолинейности, понимая, что некоторые могут принять это за грубость и резкость, но на самом деле, это было практичностью и откровенностью голландцев.

— Почему ты попросил меня позвонить?

— Мне нужно расслабиться, — ответил он ей.

Ах. Она прекрасно понимала, что он имел в виду, и без доли сомнения, начала рассказывать о том, как провела вчера свой день. Её удивляло, почему миллиардеру, вроде Виллема де Конаи, хотелось слушать истории о её школьной жизни, но так же, она понимала, что проблемы, казавшиеся непреодолимыми в её глазах, были всего лишь детскими шалостями для Виллема.

Откинувшись на спинку офисного кресла, Виллем устремил взгляд вдаль, любясь прекрасным видом, открывающимся из окон его офиса, уровень его стресса понижался, с каждым словом, произнесённым успокаивающим голосом Серенити. Этот способ релаксации, стал быстро его любимым, узнавать что происходит не так в жизни девочки, и помогать ей это разрешить.

Когда она окончила рассказ, он лениво сказал:

— Сделай комплимент своей учительнице, когда увидишь её в следующий раз.

Серенити с опаской переспросила:

— Ты не шутишь, да? Я должна делать комплименты после того, как она вычитывала меня перед всем классом?

— Совершенно верно. Помнишь, что я говорил о выборе ведения боя...

Она прервала его, тяжело вздохнув.

— Нет лучшего нападения, чем слова, сказанные в красивой манере, — Серенити повторила его совет, копируя его манеру говорить.

Он улыбнулся в знак одобрения.

— Хорошая девочка.

Серенити опять тяжело вздохнула.

— Но это так сложно, — призналась она. — Не представляю, как тебе постоянно даётся это притворство.

Виллем задохнулся:

— Притворство? — Он произнёс слова с поддельным гневом. — Я бы убил любого другого человека, который посмел бы мне сказать такие слова.

— Но не меня, — парировала Серенити, — ты сказал мне, нет, вернее, ты приказал мне быть всегда откровенной с тобой, и я честно считаю, что ты каждый раз притворяешься, во благо бизнеса.

Она поморщила нос, вспоминая сводки новостей, которые жадно поглощала, в ожидание очередного упоминания Виллема, как "самого сладко-говорящего гада Европы".

— Точно, — вежливо ответил Виллем, — но я сказал быть честной, а не оскорблять меня.

Но Виллем не злился, он улыбался, потому что, его просьба быть с ним честной, давала

возможность знать всю правду о том, что на уме у Серенити.

Чувствуя его хорошее настроение, Серенити выпалила:

— Как у вас дела с Шейн? — Она конечно же, понимала, как рискует каждый раз спрашивая о ней. В один прекрасный момент, он мог разгадать её истинные помыслы. Она всё это прекрасно знала, но не могла устоять перед соблазном.

— Мы хорошо ладим, — уклончиво ответил Виллем. Эти вопросы о Шейн, всегда казались ему неприятными, но всё же, он никогда не запрещал их задавать. Он должен быть правдив с ней, ну, или по крайней мере на столько правдив, насколько, это возможно. Он считал, что пока Серенити ещё слишком молода, и невинна, чтобы понять, что Шейн, не смотря на все её желания и стремления, всего лишь его постоянный партнёр по сексу, и старшая сестра Серенити совсем ничего не имела против.

— Рада это слышать, — Серенити гордилась тем, как ей удалось сохранить голос ровным, не смотря на боль, пронзившую её сердце. Они хорошо ладят. Слова эхом звучали у неё в голове. А что, если у них всё будет настолько хорошо, чтобы обручиться, и, в конечном счёте, связать себя узами брака?

— Ч-часто ли вы видите? — Она прикусила губу, как только слова сорвались с её уст.

Ох, какой мазохисткой становилась она в том, что касалось миллиардера.

— Мы ужинали на днях, — это была правда, что они ужинали, но также, и правдой было то, что после, он трахнул старшую сестру Серенити на заднем сидении своего авто.

— Это хорошо, — она проглотила комок в горле. — Правда, хорошо, — услышала она свой неуверенный голос, хотя и чувствовала, как онемела от острой боли в сердце. И ещё до того, как она поняла, что творит, Серенити соскочила с кровати, перевела стрелки будильника назад, позволяя сигналу звенеть на всю комнату, давая ей повод прекратить разговор.

Услышав это, Виллем сказал:

— Тебе уже нужно собираться на занятия.

— Да, боюсь, что так.

— Тогда я ещё позвоню тебе сегодня вечером?

— Да, сэр, — ответила она дразня его.

— Виллем.

Она улыбнулась, несмотря на слёзы, наполнившие её глаза.

— Виллем, — послушно повторила она.

— До свидания.

— До свидания.

Она позволила слезам водопадом стекать по щекам, только когда услышала, как миллиардер закончил вызов. Её пальцы затряслись, и телефон упал на кровать.

Как сильно она любит его.

Слёзы ещё больше покатались по щекам Серенити.

Но она знала, что он никогда не полюбит её в ответ.

5.

Аннеке и Флёр с умилением следили за тем, как их брат, с особой осторожностью снял упаковочную бумагу со своего последнего подарка. Но на этом миллиардер не остановился, далее, он аккуратно начал располагать деревянную рамку на свой рабочий стол.

— Серенити, — одними губами сказала Флёр своей старшей сестре. Она готова была поставить на это своё наследство.

Аннеке кивнула. У Виллема существовал запрет на подарки от женщин, не относившихся к его семье, за исключением очаровательной девушки-подростка, которую он так бережно взял под своё крыло.

Вот, если бы сестра Серенити была хоть немного такой же очаровательной, как он, со вздохом подумала Аннеке.

Когда прошло уже целых пять минут, а Виллем всё ещё не закончил возиться со своим подарком, Флёр подошла к брату, и спросила дразня:

— Это займёт у тебя целую вечность?

— Если понадобится, — голос Виллема был мягкий, но это не отвлекло его от важного подарка.

Заглянув через его плечо, она увидела, что пятнадцатилетняя девушка прислала её брату-миллиардеру хокку (прим. хайку; хокку — японское лирическое трёхстишие), помещённое в рамку, о ценности времени, в котором сквозило иронией о его поглощении работой.

Умница, подумала про себя Флёр.

Прошло ещё пять минут, прежде, чем Виллем расправил плечи, и заявил:

— Готово.

Его сёстры ответили одновременно:

— Слава Богу!

— Потому что, я просто умираю с голоду, — добавила Флёр.

Не смотря на то, что машины обеих девушек были припаркованы на подземной парковке, они присоединились к Виллему в его лимузине, желая больше времени провести со старшим братом.

— И о чём подарок Серенити? — Поинтересовалась Аннеке, когда шофёр закрыл за ними дверь.

Флёр не дала Виллему ответить:

— Если в двух словах, она предупреждает его, что он "заработает" себя до смерти, продолжая в таком же духе.

— Оу, — губы Аннеке дрогнули, — прямо в точку.

Виллем только пожал плечами.

— Мои годовые отчёты твердят обратное, — но тут же сменил тему, не желая спорить с младшими сёстрами. — Когда вы последний раз говорили с Ником? — Николас был самым младшим из них, и т. к. он выступал в роли специалиста, по устранению конфликтов в бизнесе, большую часть своего времени, он проводил в разъездах.

— Только вчера, — ответила Флёр. Одним из условий Виллема, перед тем, как позволить им покинуть семейное гнездо, было обещание поддерживать постоянную связь между собой.

— А я, наверное, неделю назад, — пробормотала Аннеке. — Зато, я говорила с Яком, — среди их трёх братьев, Як был самым свободным, и даже местами грубым, что касалось женщин. — Он всё ещё в Пхукете, насколько я поняла.

Виллем вздохнул.

— Также, как всё ещё жив, — насколько он не хотел признавать гедонический образ жизни своего брата, настолько не желал понимать, что его брат достаточно взрослый, чтобы

самому принимать решения, не зависимо правильные они или нет.

Однако, его сёстры — это совсем другое дело. Глядя на них, Виллем радовался той мысли, что так хорошо их воспитал, или, по крайней мере, настолько хорошо, насколько мог, будучи брошенным парой взрослых, которые только и знали, как делать детей, но не как о них потом заботиться.

— Как ваши дела с мужем? — Спросил он Аннеке.

Больше книг Вы можете скачать на сайте — Knigolub.net

Она пожалала плечами. Аннеке было двадцать восемь, хотя, выглядела она намного младше, из-за своей миниатюрной фигуры, и игривых ямочек на щеках.

— Ты ведь понимаешь, что нам всё равно придётся о нём поговорить, не так ли?

— Не уверена, зачем нам это нужно делать, — голос Аннеке был непривычно напряжен. — Это всего лишь вопрос времени, когда закончится наш развод.

Ощущая, что её старшие брат и сестра вот-вот начнут бодаться, Флёр решила, что настал момент опять сменить тему разговора. Она сказала первое, что пришло в её голову:

— А что, если Шейн увидит подарок от Серенити на твоё столе?

Виллем нахмурился от того, что она перебила их, но посчитал нужным ответить:

— Не увидит.

Флёр моргнула.

— Вы больше не встречаетесь?

Виллем покачал головой.

— Что я имел ввиду, так это то, что Шейн не увидит его, потому что я не допущу этого.

Теперь, настала очередь хмурится Аннеке.

— Хочешь сказать, будешь каждый раз его прятать, при появлении Шейн?

Флёр тут же встряла с вопросом:

— Хочешь сказать, Шейн всё ещё не знает, что для её малышки — сестры ты стал словно па..? — Аннеке одарила её предупреждающим взглядом, — ...тронатом, — закончила она. Флёр чуть было не сказала «парнем», но т. к. сегодня был день рождения Виллема, она решила быть разумной, и не подливать масло в огонь.

Виллем странно взглянул на сестёр.

— Почему вы пытаетесь раздуть проблему там, где её нет? У Шейн просто идёт некое соревнование с сестрой, но ненависти нет.

Он вспомнил тот единственный раз, когда он пытался примирить Серенити с её старшей сестрой, и как алые пухлые губы Шейн изогнулись в отвращении. После того, он сделал свои выводы, и больше не стал повторять ошибку.

— Вы обе тоже соперничали, пока росли, — напомнил им Виллем. — И я не хочу быть их яблоком раздора.

Аннеке и Флёр переглянулись, им обеим было любопытно, как кто-то настолько умный, как Виллем, мог быть полнейшим глупцом в том, что касалось женщин? Они обе и правда конкурировали между собой, пока были меньше, но Серенити и Шейн — это совсем другое дело. Шейн завидовала Серенити, и с каждым новым годом, её зависть только росла, было очевидно, что её младшей сестре суждено затмить её во всех смыслах.

Флёр начала говорить, но тут зазвонил телефон Виллема, и как только она увидела, как смягчается лицо её старшего брата, тут же замолчала. Звонила Серенити, и, зная, сколько времени длятся их телефонные разговоры, Флёр понимала, что Виллем не скоро освободится.

— Серенити передаёт вам привет, — сказал Виллем.

— Привет, — опять Аннеке и Флёр ответили в унисон.

Виллем сузил глаза. Он не понимал, как такое возможно, что они настолько милы с Серенити, и просто на дух не переносят Шейн.

Не желая, чтобы брат услышал, что она будет говорить, Флёр быстро достала свой телефон, и написала сестре.

Флёр: *Он настолько слеп.*

Аннеке: *Знаю. Он безнадежен. Но также, я прекрасно знаю, как и ты — НАМ НЕ СТОИТ ВМЕШИВАТЬСЯ.*

Флёр: *Ты слишком хорошо меня знаешь.*

Аннеке: *Вот именно, но также, я считаю, что всё ещё слишком рано.*

Флёр: *Потому что, она слишком юна?*

Флёр сделала паузу, напечатав текст. Пятнадцать и двадцать девять, размышляла она. Могло бы быть и хуже. Это могла быть разница в двадцать, а то, и тридцать лет. А может, и нет. Что такое возраст для двух влюблённых, даже, если они ещё и сами этого не осознают?

Её телефон издал сигнал, и она взглянула на него, чтобы прочитать ответ сестры.

Аннеке: *Я не про С. Я о Виллеме. Не думаю, что он уже готов полюбить.*

Флёр: *Господи, он так слеп, это не смешно. Я просто боюсь, что если мы оставим всё как есть, старшая сестра приведёт его к алтарю первая.*

Аннеке: *Поверь мне. Этому не бывать. Ты только посмотри сейчас на него.*

Флёр взглянула на брата, который сидел как раз напротив неё и Аннеке. Он что-то бормотал низким, приятным голосом, лицо было серьёзным и не улыбочивым.

Но, Боже мой, эти голубые глаза Виллема.

Если бы она только могла показать Шейн, то, как он смотрит, когда говорит по телефону с Серенити.

Аннеке права, подумала Флёр. Тут не о чем беспокоиться. Любой, кто бы сейчас не взглянул на Виллема, с уверенностью мог сказать, что сердце миллиардера уже отдано своему владельцу.

6.

— Должно быть, у тебя что-то невероятно срочное, — протянул Виллем, — раз ты требуешь разговора со мной, зная, что я нахожусь на важном совещании.

Услышав такие слова генерального директора, все присутствующие заёрзали на местах, и задались вопросом, кто может быть таким отважным, а возможно, и глупым, чтобы так поступать. Виллем де Конаи, был знатен своими исключительными манерами, но каждый, кто имел возможность с ним работать, знал, что это всё только маска, которой он прикрывает свои высокие требования ко всем и каждому.

На другом конце разговора, невинным голосом заговорила, так называемая, отважная и глупая девушка:

— Ты на совещании?

— Нет, не на совещании, — соврал он не задумываясь, и игнорируя взгляды руководителей отделов, которые сидели сейчас перед ним в конференц-зале.

Конечно же, он знал, что они сейчас думают. *Виллем де Конаи, заядлый Голландский трудоголик, прерывает важное совещание, ради личного разговора. "The Financial Times" сошли бы с ума от такой новости.*

— Я рада, — вздохнула Серенити, — мне сейчас очень нужно с кем-то поговорить.

Явное волнение в голосе Серенити заставило его нахмуриться.

— Что случилось? — Спросил он, вставая с места, и жестом показывая присутствующим продолжать, а сам направился к двери.

Покинув конференц-зал, он направился в свой кабинет, и как только, захлопнул дверь, приказал:

— Говори.

Серенити закатила глаза на такой повелительный тон.

— Ты, правда, думаешь, что при одном твоём слове, все должны вставать на задние лапки, словно собачки в цирке?

— Говори, — у Виллема не было времени на шутки. Чем больше он с ней говорил, тем больше понимал, что происходит что-то серьёзное.

Серенити опять тяжело вздохнула.

— Ничего, просто я... — шелест, и когда она опять заговорила, казалось, что она закрывает рукой трубку, чтобы её никто не услышал, — я должна идти, это...

Вдруг, на заднем плане, Виллем отчётливо услышал мужской голос, который весело спрашивал:

— Ну что ж, моя прекрасная Снежная королева. Каков твой ответ? Да или нет?

Звонок оборвался.

Виллем недоверчиво уставился на телефон. *Какого чёрта?*

Дурное предчувствие пронзило его, воздействуя на его инстинкты, Виллем быстро включил свой компьютер, ввёл пароль, и открыл доступ к видео наблюдению своего офиса. Всего в несколько кликов, он уже подключился к камерам, установленным на этаже, где Серенити проходила свою стажировку.

Серенити появилась на мониторе. Её длинные белокурые волосы заплетены, прекрасное стройное тело одето в обтягивающее шерстяное платье с воротником под горло. Она выглядела как обычно, великолепно как всегда. Его глаза сузились при виде её бледного, взволнованного лица. А ещё, она выглядела так, будто перед ней предстал сам дьявол.

Виллем включил звук.

Молодой, темноволосый парень сидел на краю её стола, и, несмотря на очаровательную улыбку на его лице, не было сомнения, что на уме у него совсем иное, когда он то ли скулил, то ли угрожал:

— Ну же, Серенити, всего одно свидание. Сжался надо мной, всего одно свидание перед окончанием твоей стажировки. Все подумаю, что ты жестокая и бессердечная, если откажешь мне на глазах у остальных.

Нужно было рассказать обо всём Виллему, думала Серенити, упорно игнорируя тот факт, что руководитель её стажировки, расположился на столе девушки, будто на своём личном.

Когда она слушала, как Уэйн распинается перед остальными интернами о своих планах

пойти сегодня вечером на свидание с Серенити, она могла только думать, а быть может, всё сложится совсем не так.

Может, ей стоило вместо этого всем рассказать о Виллеме?

Сейчас она была абсолютно сбита с толку, учитывая, что у неё никогда прежде не возникало подобных проблем. Пока Дэниель был ещё жив, она находилась на домашнем обучении, а потом, когда попала к Мелани, та отправила её в школу-пансион для девочек. В её жизни не было никаких парней, кроме Виллема, а он так отличался от Уэйна.

Виллем, не смотря на то, кем он был, никогда не использовал свои деньги, или власть, чтобы запугать её. А Уэйн наоборот. Практически с самого начала, пытался вызвать чувство вины у Серенити за то, что она не отвечала взаимностью на его увлечённость ею. Каждый день, ей приходилось терпеть его многозначительные взгляды, делать вид, что не замечает пошлых намёков, и уворачиваться от его попыток прикоснуться к ней в копировальной комнате. И каждый раз, когда она всё это испытывала, ей было любопытно, стоит ли винить себя, думая, что же она сказала или сделала не так, что заставляет Уэйна вести себя, таким образом, только с ней.

И, конечно же, ответ был «ничего», но Серенити была слишком наивна, чтобы это осознать.

А Уэйн был напротив, далёк от наивности.

Он только лишь взглянул на шестнадцатилетнюю девушку, и понял, что хочет овладеть ею. Она была прекрасна и чиста, такая себе Спящая красавица, ожидавшая, пока её трахнут.

И т. к. Уэйн был обеспокоен тем, чтобы именно он стал первым, кто это сделает, он предпринимал все необходимые для этого меры. Для начала, он разобрался с остальными интернами парнями. Он видел в их глазах то же самое, что и испытывал сам. Её невинность, неприязнь к конфликтам, вплоть до того, что она с лёгкостью позволяла другим пользоваться её добротой. Уэйн понимал, если не он не сделает в ближайшее время шаг, его сделает кто-то другой. Чтобы расчистить свою дорогу, он прекрасно дал понять младшим коллегам, что он первый «положил на неё свой глаз», и если кто-то ему помешает, пусть и не мечтает о карьере в «Де Конаи Ентерпрайз».

Затем, он занялся женской половиной коллектива, изолируя её от всех, кроме тех, кто восхвалял её красоту и работу, тем самым, вызывая ненависть у остальных девушек, и предотвращая их дружбу со «Снежной королевой».

Он хотел сделать её одинокой и уязвимой, хотел, чтобы, в конце концов, она поняла, что у неё никого не осталось кроме Уэйна.

Но Серенити оказалась намного выносливее, чем он ожидал. Казалось, она не имеет ничего против, что мужская половина стажеров её игнорирует, а женская, ненавидит до мозга костей за её красоту и идеальность.

Ей же хуже, думал Уэйн, он всегда был более настырен, чем остальные мужчины.

Тем не менее, сидя на краю стола, он самодовольно изучал свою цель, понимая, что успешно загнал молодую девушку в угол. Даже если она и откажет ему, то остальные быстро на неё набросятся. И это будет всего лишь вопрос времени, пока она, чувствуя вину, всё же придёт к нему.

Серенити взглянула на Уэйна.

— Ты и дальше, собираешься меня игнорировать? — Захныкал он. Сидя спиной к стеклянной двери стажировочного центра, у Уэйна не было возможности видеть, как она бесшумно открылась, впуская генерального директора компании.

Все присутствующие центра замерли от шока, и всё, что они могли делать, так это наблюдать, как Голландский миллиардер направился именно туда, где был руководитель их стажировки.

— Всего одно свидание, — уговаривал Уэйн. — Если ты дашь мне шанс, уверяю, ты получишь большее удовольствие, чем ожидаешь. — Он облизнул губы, не в силах удержаться от фантазий о том, какое удовольствие может получить он. Как только он усадит эту девчонку в свою машину, тут же опустит руку на её бедро, и насладиться ощущением её прекрасных длинных ног. Она, конечно же, будет сопротивляться, и это ожидаемо. Девушки всегда строят из себя недотрог. Но в конечном счёте, они хотят того же, что и мужчины. Жесткий трах...

Смутно, Уэйн услышал, как кто-то произнёс его имя, звук прервал его волшебные мысли, и одновременно, заставил Серенити резко поднять взгляд. Уэйн увидел, как её голубые глаза расширяются от шока, и он заскрежетал зубами, у кого это тут такие стальные яйца, чтобы прервать его? Он встал, и резко развернулся.

Уэйн побледнел.

Виллем де Конаи мило улыбался молодому человеку, пока тот дрожал от страха, как последний трус.

— Ты уволен, — не отводя взгляда от ублюдка, он скомандовал, — подойдите ко мне, мисс Роли.

Уэйн находился вне себя от злости. *Какого чёрта, босс знал имя Серенити?! Как это могло произойти? Кто она такая?*

Находясь в полуобморочном состоянии, Серенити встала на слабых ногах, нервозность делала её конечности, будто налитыми свинцом, и поэтому, хромота ещё больше давала о себе знать, когда она попыталась обойти стол. Но как только, она собиралась приблизиться к миллиардеру, почувствовала жуткий страх и волнение. *Правильно ли она поступила, рассказав Виллему о своей проблеме?*

Как будто, прочитав её мысли, миллиардер оторвал взгляд от руководителя стажировки. И голубые глаза вновь встретились с голубыми — её, выражавшие тревогу, и его — полные силы.

Неужели я стою всех этих проблем, безмолвно кричали её глаза, а Виллем колебался чего он больше хочет, задушить её на месте, или же заворачивать в мягкое одеяло, укрывая от всех невзгод.

Ну что за прекрасная, слепая глупышка.

Одна его часть желала вложить в неё хоть немного того, что видит он. *Как она всё ещё смеет сомневаться, что она стоит этого? Неужели, она думает, что он сделал бы это для любой другой?* Виллему жутко хотелось кричать на молодую девушку, как раньше, когда он старался образумить своих младших сестёр, когда они были подростками. Он бы, наверное, так и сделал, если бы не знал причины таких сомнений Серенити.

Ах, если бы только Виллем мог вытащить Дэниэля Роли из ада, он бы отдал половину своего состояния за то, чтобы собственноручно убить отца Серенити.

Осознавая, как Серенити дрожит всем телом, Виллем знал только одно, что он мог сделать.

Он молча предложил девушке свою руку.

Виллем сделал это, понимая, какие слухи могут возникнуть, как каждый будет рад обсудить это, и что после того, жизнь его и Серенити, больше никогда не будет прежней.

Он делал это ради неё.

Серенити медленно вложила свою руку в его ладонь.

Его пальцы сжались вокруг её, и затем, он нежно, но уверенно подтолкнул Стейшу себе за спину, устремив взгляд на руководителя стажировок.

Уэйн начал лепетать:

— Мне очень жаль, сэр. Я не знал, что она ваша девушка...

— Это не так, — он понимал, что следующие, сказанные им слова, изменят всё, но у него не было выбора. — Она младшая сестра женщины, с которой я в отношениях, и работник, которого я с превеликим удовольствием приму в свою компанию, после выпуска из колледжа.

Когда смысл, сказанных Виллемом слов, наконец, полностью дошёл до Уэйна, он схватился за край стола, удерживая равновесие. Как же, чёрт подери, так вышло, яростно думал он. Пытаясь найти всему происходящему объяснения, и снять со своих плеч вину, Уэйн осуждающе обратился к Серенити:

— Ты подставила меня! Ты же сама со мной флиртowała, соблазняла своим поведением...

Челюсти Виллема плотно сжались.

— Я предлагаю вам прекратить нести чушь, ради своего же блага, мистер Колеридж.

Но Уэйн слишком ослеплённым своей никчёмностью, не собирався отступить, ему хотелось, чтобы Серенити чувствовала себя такой же жалкой.

— Чёртова вертихвостка.

Виллем сжал пальцы в кулак.

— Я это так не оставлю...

Уэйн никогда не видел, как приближается кулак к его лицу. Это было слишком быстро, и мощно, и уже в следующую секунду, он был сбит с ног, и лежал бревном на полу.

Виллем всего лишь поднял руку вверх, и тут же, в комнату ворвалась охрана, которая ждала у входа в стажировочный центр, и наблюдала за происходящим через стеклянные двери, ожидая момента, чтобы вмешаться.

Виллем махнул головой в сторону мусора на полу.

— Вышвырните его прочь, и удостоверьтесь, что он внесён в чёрный список каждого учреждения, имеющего отношение к "ДЖЕ".

— Да, сэр.

Хватка Виллема вокруг пальцев Серенити, внезапно усилилась, заставляя её взглянуть на себя.

— Ты в порядке? — Резко спросил он.

Она кивнула.

— Мы поговорим наедине.

Она опять кивнула, понимая, что чем меньше она будет говорить, тем меньше натворит новых ошибок. Отныне, после того, что сделал и сказал Виллем, все взгляды будут устремлены на неё, так же, как и на самого миллиардера. Она ожидала, что Виллим отведёт её в свой кабинет, но вместо этого, они опускались в подземный паркинг. Водитель открыл для них пассажирскую дверь лимузина, как только они вышли из лифта. Первые минуты езды, прошли в полном молчании, а Серенити не могла перестать смотреть на отстранённый, яростный профиль миллиардера. И когда он всё же заговорил, это было всего одно слово:

— Говори.

На этот раз, она даже не думала уклоняться. Она говорила.

Изливая всю душу, она почувствовала, что в мыслях царит полный хаос, и она это ненавидела. Это была не она — эта ужасная, трясущаяся, запуганная, беспомощная масса — она не хотела опять быть той старой, слабой, эгоистичной Серенити, которой была раньше.

Когда Серенити закончила рассказ, Виллем резко сказал:

— Не плачь.

Она до боли прикусила губу.

Всё его нутро желало притянуть её в объятия, и заверить, что всё будет хорошо. Но он знал, что если поступит так, то это будет ложь.

— Он домогался тебя, Серенити, — она побледнела от его слов, но он не позволил этому повлиять на себя. — А ты позволяла ему это делать, — из неё вырвались новые рыдания, но он и этому не позволил повлиять на себя. — Не прячься от правды, чёрт возьми.

Злость в голосе миллиардера, заставила её желать свернуться в клубок, и рыдать, что есть сил.

— Мне ж-жаль...

— И правильно, — он сжал кулаки, стараясь держать руки при себе. — Потому что, в следующий раз, меня может не быть рядом, чтобы остановить негодника. — Фантазия сыграла с ним злую шутку, показывая сюжет, когда Серенити попадает всё же в руки другого мужчины, и тот доводит начатое до конца. — Мне нужно, чтобы ты максимально внимательно послушала меня, *ангел*.

Голубые глаза, полные потрясения и боли, встретились с его.

— Рано или поздно, тебе придётся сделать выбор, и я считаю, что сейчас, настало самое подходящее время, — и прежде, чем она успела что-то возразить, продолжил, — ты должна определиться, хочешь ли ты действительно жить, или нет. — И несмотря на то, что Серенити вздрогнула от его слов, продолжил, — я знаю через что тебе пришлось пройти, и так же, знаю, что часть тебя, всё ещё винит себя за то, что произошло с отцом.

Виллем сделал ещё один глубокий вдох.

— Но также, я знаю, что ты не настолько глупа, чтобы действительно, чувствовать свою вину. Он принимал собственные решения, и они оказались ошибочными. Он превратил своего собственного ребёнка в пешку, в борьбе за свои же мечты. Он решил убить себя, вместо того, чтобы взглянуть в лицо своим ошибкам. Он решил оставить тебя.

Медленно, Виллем взял руки девушки в свои. Они были такими хрупкими и холодными, и он почувствовал, как невидимые цепи опутывают их, соединяя вместе души.

— Настало твоё время, Серенити. Ты должна знать, что каждый раз, когда ты позволяешь кому-то возвышаться над тобой, каждый раз, когда позволяешь сделать из себя жертву, ты отказываешься от собственной жизни. Таким образом, ты всё ещё позволяешь своему отцу диктовать, как тебе жить, прямо из могилы, и если так и будет продолжаться, тогда, какого же ты чёрта, тогда сломала себе ногу? — Виллем крепче сжал её руки, и когда он вновь заговорил, голос был низким и диким, — какого дьявола, ты вообще просила меня о помощи, если собираешься снова и снова отказываться от полноценной жизни.

Серенити не отвечала, вместо этого, склонила голову. Несколько мгновений спустя, он почувствовал, как её слёзы падают на их сплетённые руки.

— *Мне жаль*, — но на этот раз, слова значили не только извинение. Это были слова — обещание, что она будет жить.

В груди у Виллема защемило. Забрав свои руки от её, он нежно взял Серенити за подбородок, и что-то внутри него оборвалось, от вида её заплаканного лица. С особым трепетом, он утёр её слёзы, осознавая, что Серенити наблюдала за ним так, словно он для неё был... всем миром. Это открытие одновременно было и бременем, и сокровищем, и Виллем не мог перестать думать, что и он тоже, сделал сегодня свой выбор. Он не убыл уверен что это, чёрт возьми, такое, и что всё это значит. Единственное, в чём он был уверен, что происходит что-то важное, потому что... девушка стала важной для него.

Слишком важной.

— Можешь мне кое-что пообещать? — Услышал он свой собственный голос.

Неуверенный кивок.

— Если ты когда-нибудь решишь оставить меня, не нужно просто... уходить. Скажи мне это лично. Я никогда не стану тебя останавливать, но только... скажи мне, — как только, слова вылетели из его уст, Виллем понял, что какая-то часть его приняла то, что их отношения не будут такими вечно.

— Обещаю, — казалось, и Серенити это поняла.

7.

— Приятно снова тебя видеть, Серенити, — доктор Фергюс, пожал руку своей пациентки.

— И мне приятно, доктор Фергюс.

После того, как четырнадцатилетнюю Серенити сняли с учёта психиатрической лечебницы, она попросила, чтобы именно он и дальше её наблюдал. После долгих размышлений, он всё же согласился, даже не смотря на то, что ему приходилось прилетать несколько раз в году в Амстердам, и арендовать кабинет в клинике, неподалёку от дома Серенити.

Сегодня, была их первая встреча в году, и теперь увидев её уже семнадцатилетнюю, он был рад наблюдать, как Серенити Роли расцвела в прекрасную молодую женщину, от вида которой захватывает дух. Она была стильно одета в куртку защитного цвета, поверх белой со стразами водолазки, джинсовых шортах и чёрных гетрах. Доктор был уверен, что с годами, она станет ещё прекраснее, и мог только надеяться, что также станет счастливее. Одному Богу известно, как она этого заслуживает.

Нажав кнопку "запись", он расположил диктофон на кофейный столик, и спросил:

— Как дела?

— Хорошо, насколько это возможно, доктор.

Всё ещё страдает от чувства вины, но уже меньше, чем в прошлом году, подумал доктор. Ему стало это ясно с того, как медленно и осторожно дрогнули её губы, будто она ещё думала, что не имеет права улыбаться.

Чтобы облегчить её участь, он решил сменить тему, и непринуждённо сказал:

— Миссис Ф. держит меня в курсе всех свежайших сплетен о тебе.

Щёки Серенити вспыхнули.

— Большинство из них неправда, мистер Фергюс.

Он приподнял бровь, уточняя:

— Значит, эти слухи о тебе, и наследном принце...

Она яростно закачала головой.

— Он не мой парень, и никогда им не был. Я... у меня никогда не было парня, доктор.

— Понятно. А почему?

— Никто не нравился.

Слова оказались неким бормотанием, что заинтересовало доктора. Возможно, его пациентка влюблена в того, о ком ей неудобно говорить? Но тогда кто он?

— Ты в кого-то влюблена, Серенити?

Она быстро покачала головой, слишком быстро.

Он опять решил поменять тему.

— А как дела дома?

— Хорошо, — Серенити уставилась на свои пальцы, избегая его взгляда.

— У вас всё хорошо с мачехой?

— Да.

— Ты ведь знаешь, что мне не стоит лгать, Серенити, не так ли?

Девушка прикусила губу.

— Она... в своей манере.

— Что означает? — Мягко подтолкнул он.

Она с трудом пожала плечами.

— Означает, что... она не разговаривает со мной, и не смотрит на меня, но я н-не могу её винить в этом. Я не её ребёнок, и если бы не завещание, мы обе понимаем, что наши жизни никогда бы не пересеклись.

— А сестра?

Серенити не сразу ответила. Шок, всё ещё не покидал её. После той истории, произошедшей в первый год её стажировки, местные папарацци усиленно интересовались ею, а Шейн подливала масла в огонь своими рассказами, о том, что Виллем взял её сестру под своё крыло, только из-за их отношений.

— Вы хорошо ладите с Шейн?

Серенити опять скромно пожала плечами.

— Учитывая то, что росли мы не вместе, то да, неплохо.

— Тогда, почему же, — тихо спросил он, — ты всегда приходишь одна на наши встречи? Даже несмотря на то, что я просил тебя появиться с кем-то из семьи.

Медленный кивок.

— Но это не их вина, доктор. Я никогда не была... Ведь я, даже не часть их семьи, и это не справедливо заставлять их относиться ко мне так, будто, я всё же одна из них, когда это не так.

— А что на счёт твоих друзей? Я также упоминал, что буду рад с ними познакомиться.

Серенити покачала головой.

— У меня есть друзья, но не такие, которых, я могла бы пригласить... сюда.

Доктор приподнял бровь.

— Они не одиноки?

Серенити опять покачала головой.

Доктор решил, что это потому, как она сейчас выглядит, и из-за популярности, которую приобрела. И это заставило его вспомнить о причине внезапной популярности Серенити.

— А что, насчёт парня твоей сестры?

— Он пока не её парень, — выпалила она.

— Разве нет? — Доктор старался сохранять голос мягким.

— Нет. Это не так. Пресса пытается выставить всё так, будто это правда, но на самом деле, это не так. Он никогда не подтверждал этого, и не опровергал, так что... неправильно делать какие-то выводы. Ведь так?

— Кончено же, — ему было интересно, понимает ли сама Серенити, как она со страстью львицы защищала его. — Этот мужчина, Виллем де Конаи, он всё ещё встречается с твоей сестрой? Я спрашиваю, потому что, хочу понять, как много места он занимает в твоей жизни.

— Они выходят в свет время от времени, — даже просто говорить это, было больно.

— Тогда, выходит, это единственное время, когда вы видитесь?

Серенити покачала головой.

— Я опять работаю в его компании стажёром.

— Понятно. И как он тебе, как человек, работодатель, друг?

Глаза Серенити засверкали.

— Он великолепный человек, доктор. Вы даже не можете себе представить, какой он умный, добрый. Он...*всё*.

— Аха, — казалось, теперь, доктор окончательно всё понял, но прежде, чем он успел задать новый вопрос о миллиардере, раздался стук в дверь, прерывая его и доктор Фергюс нахмурился.

— Ты кого-то ждёшь, Серенити?

— Нет, доктор.

Всё ещё хмурясь, доктор поднялся, и открыл дверь, оказавшись в полном ошеломлении лицом к лицу с Виллемом де Конаи, собственной персоной.

— Мистер де Конаи?

Серенити вздрогнула.

Виллем вежливо улыбнулся.

— Полагаю, данная встреча предполагала появление друзей мисс Роли?

Когда доктор вернулся к Серенити, он был уже не один, и Серенити с широко открытыми глазами наблюдала, как Виллем устраивается на диван рядом с ней.

— В-Виллем?

Он пробормотал себе под нос:

— Ты ведь не думала о том, что я никогда не узнаю об этом?

Серенити была не в силах ответить, потому что, доктор уже расположился перед ними.

— Спасибо, что присоединились к нам, мистер де Конаи.

— Это для меня удовольствие, доктор. И пожалуйста, зовите меня Виллем.

— Тогда Виллем. Прежде, чем мы начнём, хочу, чтобы вы знали, что наш разговор будет записан, но конечно же, вся информация будет защищена "Законом о неразглашении".

— Да, конечно.

— Хорошо, — кивнул доктор, в знак согласия. — Если вы не против, хотелось бы узнать, как вы познакомились с моей пациенткой? — Доктор был не удивлён, что к этому причастна сестра Серенити, но что его поразило, так это как всё изменилось с тех пор.

— Если вы уже знаете мою пациентку на протяжении трёх лет, тогда мне интересно ваше мнение о её успехах.

— Она стала намного сильнее, — легко ответил Виллем, взглядом изучая девушку, которая сидела рядом с ним, и тихо добавил. — Также, она научилась ценить себя, и изо все стил учится быть... счастливой.

— Рад, что вы сказали это, Виллем, — доктор повернулся к Серенити, глаза которой загорелись ещё ярче. И он не мог поверить, насколько слеп миллиардер, чтобы не видеть то, что видит сейчас он.

— А что насчёт тебя, Серенити? Ты согласна с тем, что сказал мистер де Конаи?

Размеренный кивок, который сказал доктору, как сильно его пациентка прислушивается к миллиардеру, и это невероятно обеспокоило его.

Он продолжал задавать вопросы Виллему и Серенити, держа своё мнение при себе, даже не смотря на то, как росло его беспокойство. По истечению часа, когда настало время Серенити уходить, он попросил миллиардера о приватном разговоре.

Видя встревоженный взгляд Серенити, доктор легко сказал:

— Он миллиардер, моя дорогая. Ты же не думала, что я упущу возможность, попросить его сделать пожертвование?

— Ох, — явное облегчение отразилось на улыбке Серенити. — Я буду ждать за дверью, и ох, эм... — она взглянула на миллиардера, — будь щедрым.

Виллем закатил глаза.

— Ну каким ещё могу быть я, когда ты просишь меня с таким взглядом.

Любая другая девушка, на такие слова миллиардера, сказала бы что-то кокетливое, но Серенити только легко ответила:

— Спасибо, — а затем она ушла.

Наблюдая за взглядом миллиардера, будто с уходом девушки ушло и его сердце, доктор тихо сказал:

— Какие ваши намерения по отношению к мисс Роли?

Жесткость появилась на лице Виллема, и он медленно повернулся к доктору.

— На что вы конкретно намекаете?

— Абсолютно ни на что, — сказал доктор, — я просто хочу получить ответ на простой вопрос.

— Она младшая сестра женщины, с которой я время от времени вижусь.

— И со всеми ли младшими сёстрами, женщин, с которыми встречались, вы вели себя так же?

Виллем не отвечал, но жевалки заиграли на его скулах.

— Девушки возраста мисс Роли, очень впечатлительны, надеюсь, вы понимаете это, мистер де Конаи?

— Она всего лишь ребёнок, ради Бога! — Отрезал Виллем.

— Она ребёнок... пока что, — глаза доктора источали тревогу, — но в следующем году ей уже исполнится восемнадцать, и с того момента она перестанет быть ребёнком, по крайней мере, согласно буквы закона.

Челюсть миллиардера напряглась.

— Я не имею лихих побуждений касательно мисс Роли.

— Я склонен вам верить, мистер де Конаи, но... это не единственная проблема, — доктор указал в сторону двери, за которой было слышно весёлую болтовню Серенити. — Можете ли вы с такой же уверенностью заверить меня, что она ничего не ждёт от вас?

— Что-то не так? — Серенити тихо задала вопрос, хоть уже и сама знала на него ответ. Она ощущала это сердцем, потому что, уже так долго оно билось в унисон с его и только для

него.

— Нет, — голос миллиардера звучал резко, и он даже не взглянул на неё, как раньше, когда они разговаривали. Вместо этого, он продолжал смотреть в окно автомобиля с пугающе отсутствующим взглядом.

Она неуверенно спросила:

— Это потому, что эти встречи длятся слишком...

— Даже не начинай, — отрезал Виллем.

Она побледнела.

— Хватит везде вплетать жалость, ясно? — Сказал он с сильным акцентом, а гнев в его голосе, был словно пощёчина. — Неужели, ты считаешь меня таким подонком, который будет винить тебя в том, что ты так долго пользуешься услугами психиатра? — Он понимал, что несправедливо изливать свой гнев на Серенити, но ничего не мог с собой поделать. Слова доктора поразили его, даже больше, чем он признавал, и теперь Виллем злился на Серенити и на себя.

Серенити, словно превратилась в камень. Она не могла двигаться, не могла говорить или думать. Она старалась понять, что же пошло не так, и почему сейчас Виллем ведёт себя так, словно ненавидит её.

Остальную часть дороги, они провели в молчании, и когда возле своего дома Серенити выходила из авто, она сухо сказала:

— Спасибо, что подвезли, мистер де Конаи.

Твою мать.

Но прежде, чем Виллем мог остановить Серенити, девушка уже ушла.

И всё между ними изменилось вновь.

8.

На протяжении следующих нескольких месяцев после катастрофической встречи с врачом Серенити, Виллем делал всё возможное, чтобы вернуть их отношения в прежнее русло. И что он для себя чётко уяснил, девушка была невероятно упряма.

Она редко, если не сказать совсем не называла его больше по имени, да и он спустя какое-то время, перестал называть её своим ангелом.

Количество телефонных разговоров, и сообщений постепенно также уменьшилось, по началу, он слишком долго подбирал слова для ответов, но после и вовсе перестал отвечать. Он уверял себя, что так будет лучше, что это предотвратит лишние разговоры вокруг платонических чувств между ним и Серенити. Он скоро узнает, но будет слишком поздно, как Серенити проводила ночи рыдая в подушку, ожидая сообщение, или телефонный звонок, которых не суждено было получить.

Пропасть между Виллемом и Серенити росла, хоть ни один из них и не хотел этого признавать. В конце концов, миллиардеру удалось похоронить все воспоминания, которые их связывали, и чувства, которые они пробуждали. И наконец-то, Серенити стала той, кем её считал весь остальной мир.

Ассистент Виллема.

Все считали, что девушка достаточно идеальна, чтобы стать правой рукой миллиардера в бизнесе.

Но для Серенити, всё было наоборот.

Не было ни единого дня, когда она не молилась, чтобы её чувства исчезли, ни единого дня, чтобы она не думала, как Виллем изменил её жизнь... и что он был одновременно её светом и тьмой.

Уже прошло два года с тех пор в кабинете с доктором Фергюсом, а она была всё так же отчаянно и тайно влюблена в Виллема де Конаи. Она надеялась что это будет с ней до тех самых пор, пока она не встретит свою истинную любовь.

Её имя было Уиллов Сомерсет, двадцатичетырёх летняя младший редактор из Греции, которая была огненной, чем всегда удивляла Серенити. Старшая девушка поразила Серенити своим умением не прятаться от любви, несмотря на то, какую бы боль она не приносила.

Греческий миллиардер, в которого влюбилась Уиллов, совсем не заслуживал её подругу, по мнению Серенити. Он был жестокий, эгоистичный и беспощадный. Но для Уиллов, его недостатки были несущественными, но единственное, что имело для неё значение, так это вера в то, что Ставрос Манолис — единственный мужчина предназначенный именно для неё. Уиллов так отчаянно в это верила, что положила всё на алтарь, боролась и жертвовала до последней капли, лишь бы Ставрос осознал эту же истину.

И в один прекрасный день, Уиллов добилась своего.

Сейчас, пара уже была жената, и с того самого дня, Серенити стала беспокойной.

Внутри неё вновь загорелась надежда, которая не давала ей уснуть каждую ночь, толкая к мысли, а что, если и у неё так выйдет.

Ну конечно, лихорадочно думала она про себя, *ведь нельзя было так отчаянно ошибаться все эти годы?*

Быть может... быть может, стоит сделать первый шаг самой, возможно, если она пойдёт на риск, тогда и у неё будет тоже самое, что имеют теперь Уиллом и Ставрос?

Время шло, а её фантазии становились более яркими.

Дни превращались в недели, недели в месяцы, и наконец, Серенити приняла решение. Сама того не понимая, Серенити вернулась к своей прежней жизни, она вновь позволяла быть себе жертвой, своих собственных страхов и трусости. Она довольствовалась любить Виллема де Конаи издалека, предполагая, что это всё, на что она заслуживает.

Но хватит этого, сказала себе Серенити.

Она заслуживает жить. Заслуживает быть счастливой. Заслуживает любить.

И пользуясь моментом, она бы с радостью разделила все эти три вещи с Виллемом де Конаи.

— Что это? — Челюсть Виллема напряглась. У него было ощущение, что ему не понравится, чтобы Серенити сейчас не ответила.

И он оказался прав.

— Заявление о моём увольнении, мистер де Конаи.

Он медленно положил лист бумаги на стол, оставив его непрочтённым. Поднял взгляд на Серенити, и увидел, что девушка внимательно всматривается в него своими кристально-голубыми глазами. Только на этот раз, они были больше пустыми, чем чистыми.

Такими же пустыми, как во время их первой встречи, мрачно осознал Виллем. Он резко спросил:

— Что это всё значит, чёрт возьми?

Серенити стало интересно, что ответит миллиардер, если она выпалит ему всю правду.

Это, мистер де Конаи, результат прошедших пяти лет.

Это, мистер де Конаи, то, как вы влюбили меня в себя.

Это, мистер де Конаи, то, как отчаянно я жажду, чтобы вы полюбили меня в ответ.

Но в конце концов, она утратила всю отвагу, отвела взгляд от прищуренных глаз миллиардера, и пробормотала:

— Я эмм, надеюсь, что это повлияет...

Кулак Виллема с грохотом врезался в стол, и она вздрогнула.

— *Ты ведь понимаешь, что я не об этом говорю!*

Виллем не кричал, но лучше бы он это делал. Зная его уже так долго, она прекрасно понимала, что он находится в ярости, когда использует этот смертельно тихий тон.

Он почти заставил её отступить, вновь начать лгать, но она собрала все силы в кулак. Вспомнила, что Уиллов сделала ради своего Греческого миллиардера, и подумала, что тоже сможет сделать это для своего Голландского.

Сделай прыжок, прошептала она себе. Она должна сделать этот шаг, если действительно верит, что заслуживает жить дальше, быть счастливой, если на самом деле верит, что заслуживает любви.

— Сири?

Её сердце разрывалось от того, что Виллем вновь использовал её сокращенное имя.

С трудом сглотнув, она робко спросила:

— Т-ты действительно хочешь знать ответ?

— Мне правда, нужно на это отвечать? — его голос стал ещё мягче, и она затрепетала, словно лист на ветру, осознавая, насколько злым он сейчас в действительности был.

Господи, пожалуйста.

Сделай так, чтобы его злость была от того, насколько сильно он боится меня потерять.

Серенити сделала вдох.

— Т-тогда, мне нужно, чтобы ты встал.

Брови Виллема поползли вверх. О чём она, чёрт подери говорит? Но когда его девятнадцатилетняя стажер взглянула на него, он выругался про себя, но всё же встал.

— Теперь что? — Отрезал Виллем.

— П-подойди сюда.

В какие игры играет эта девушка? Но он уже двигался к ней, и остановился только тогда, когда между ними осталось не более, чем на волосок расстояния. Так близко, он мог с лёгкостью вдыхать сладкий, свежий аромат её шампуня, мог видеть, как быстро поднимается и опускается её грудь. Так близко, что его член сходил с ума в узких брюках, будто никогда раньше не был так близко к киске.

Что, чёрт подери, происходит?

Он уже было открыл рот, чтобы задать этот вопрос вслух, но не смог проронить и слова, потому что, Серенити решила наброситься на него, и поцеловать Виллема, что есть сил.

Закрыв глаза, Серенити целовала Виллема со всей любовью, которую она держала запечатанной на протяжении пяти долгих лет.

Она целовала и целовала его, но в конце концов, была не в силах скрыться от истины.

Его губы оставались сжатыми, холодными и неподвижными.

Слёзы покатались по её щекам, но она отказывалась сдаваться. Она целовала его сильнее. Отчаянее. С мольбой.

Но ничего не происходило.

Руки Серенити безжизненными ветками упали вниз.

Медленно, она отстранилась от него.

— Пожалуйста, — прошептала она, — пожалуйста, скажи, что ты просто... просто притворяешься. Просто сдерживаешь себя?

Вместо ответа, он тихо сказал:

— Ваше заявление об увольнении принято.

Больше книг Вы можете скачать на сайте — Knigolub.net